

НАПИСАНО НА ОСНОВЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ТЕХНОЛОГИЙ ЗНАНИЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ФАКТОРА

2320 год

ДОПРОС ЧЕЛОВЕКА ИЗ БУДУЩЕГО

Ф.МИХАЛЕВ

НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Фрол Михалев

Допрос человека из будущего

<https://litres.ru/74324344>

SelfPub; 2026

Аннотация

Научно-фантастический рассказ описывает появление человека из будущего, который утверждает, что он "наблюдатель" из 2324 года. В ходе его допроса выясняется цель его прибытия. В рассказе описывается мир будущего через 300 лет, как будет устроено общество, какие новые технологии появятся, а также будут изменения в развитии цивилизации в ближайшее время. «Допрос Человека из будущего» — это не боевик и не детектив. Это медленный, плотный, почти камерный философский триллер о встрече двух логик.

Просто прочитать концовку — значит не понять замысел. Только последовательное чтение постепенно раскрывает интригу и на время останавливает привычное течение мыслей.

Что даёт эта книга? Незабываемое удовольствие задуматься — с лёгким, но стойким эмоциональным послевкусием.

История написана в традиции советской интеллектуальной фантастики .

Содержание

Книга, которая работает если вы ей позволите	4
К читателям	6
У теплого моря	8
Разговор на вечер	14
Первый контакт	22
Другая логика	28
Календарь	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Допрос человека из будущего

Книга, которая работает если вы ей позволите

Некоторые книги можно пролистать, прочитать последнюю страницу или вырвать цитату из контекста — и всё равно уловить суть. «Допрос человека из будущего» — не такая. В этом её сила.

С первых страниц что-то незаметно захватывает. Человек выбрасывает на берег после шторма. Он утверждает, что прибыл из будущего, на три столетия вперёд. Офицер, посланный его допросить, начинает серию разговоров, которые не должны быть такими захватывающими. Нет погони, нет перестрелок — и всё же вы переворачиваете страницы, потому что каждый ответ открывает дверь, о которой вы не подозревали.

Эту книгу нельзя обмануть. Перемотайте к концу — и ничего не поймёте. Последние страницы не дают украсть откровение. Это кульминация, которую можно почувствовать только если пройти весь путь. Автор выстраивает повествование шаг за шагом. Вырвите сцену из контекста — и она

потеряет глубину. Читайте по порядку — и что-то встанет на место.

Когда вы закрываете книгу, вы не просто думаете. Вы чувствуете тихое удовлетворение, будто вопрос, который носили в себе без слов, наконец получил ответ. Роман не учит — он перестраивает что-то внутри и позволяет услышать этот щелчок.

И всё же не отпускает полностью. Концовка оставляет одну дверь приоткрытой. Вместо разочарования она делает редкое: приглашает вас внутрь. Появляются собственные вопросы, ощущение, что история ждёт, когда читатель поможет решить, куда ей идти. Это не закрытая книга, а открытая рука.

Уделите ей внимание. Читайте терпеливо — от первой страницы до последней. И когда дойдёте до конца, не удивляйтесь, если у вас возникнет вопрос.

К читателям

В первом издании нам пришлось закрыть некоторые интересные места от читателей. В данном издании, мы открыли всю информацию и изменили сухие диалоги художественным описанием. Не боевик и не детектив, но можно сказать экшен. Это медленный, плотный, почти камерный философский триллер о встрече двух логик. Просто прочитать концовку — значит не понять замысел. Только последовательное чтение постепенно раскрывает интригу и на время останавливает привычное течение мыслей.

Что даёт эта книга? Незабываемое удовольствие задуматься — с лёгким, но стойким эмоциональным послевкусием.

Рассказ написан в традиции интеллектуальной советской фантастики: с вниманием к детали, к внутреннему состоянию героя и к той странной тишине, которая возникает, когда привычный смысл мира вдруг перестаёт работать

В основе сюжета лежит информация, полученная от исследования и расшифровки древнекитайского текста «Каноне гор и морей» (###). В книге описываются технологии, переосмысленные с точки зрения современности с возможностями описанные в древнекитайском тексте. Кроме того, часть технологий будущего базируется на засекреченных

проектах США и СССР, таких как «Звездные врата» (1980-е годы), где изучались паранормальные способности людей для военных и шпионских целей в период холодной войны.

Он создан на основе различных научных источников и исследований нашего героического XX века. Многое, как ни странно, кое-где адаптировано или «заморожено» до поры до времени.

Поэтому учитывая некоторые моменты, мы можем с уверенностью утверждать, что не нарушаем российское законодательство ни цензуру издательства, ни требований Роскомнадзор, а также Федерального закона «О государственной тайне» Российской Федерации.

У теплого моря

После шторма море приходило в себя — неторопливо, неохотно, словно уставший гигант, которому ещё предстоит долгий путь к полному покою. Волны накатывались на берег с какой-то капризной нерегулярностью: то разом, дружно, то поодиночке, будто проверяя, готов ли песок принять их снова. Они сталкивались, переплетались, откатывались назад — и всё повторялось снова, как будто сама природа репетировала какой-то древний, никому не понятный ритуал.

Шум волн действовал почти гипнотически. Он заполнял собой всё пространство — не просто уши, а всё тело, каждую клетку, каждый нерв. Казалось, это и есть звук отдыха: не тишина, а именно шум — ровный, бесконечный, всепроникающий. Как будто тело, долгое время лишённое моря, наконец-то начинало дышать им — глубоко, судорожно, с каким-то почти животным наслаждением.

Ты ловишь этот звук, впитываешь его, как вдыхаешь запах нагретых солнцем сосновых иголок или морского укропа на скалах. И постепенно всё лишнее уходит — тревоги, планы, навязчивые мысли. Остаётся только одно обострённое желание: слушать. Прислушиваться. Как будто море шепчет что-то важное — что-то, что предназначено только тебе, и больше никому.

Мысли то появлялись, то растворялись, как пена на песке.

Можно было сидеть так бесконечно. Но вдруг, совершенно неожиданно, возникло желание пройтись — не потому, что надо, а просто так, по капризу. Останавливало лишь одно: желание ещё немного побыть здесь, в плену этого звука, этого ритма, этого ощущения полной, абсолютной свободы.

Где-то глубоко внутри ещё дрожало эхо напряжения последних дней — как отзвук далёкого грома после грозы. Но дела закончились, и наслаждение покоем только усиливало это чувство освобождения. Оно пройдёт, если сидеть и слушать море достаточно долго.

Спешить было некуда. Все события, тревоги, водоворот новостей — всё это осталось где-то там, за горизонтом. Смартфон был отключён специально — чтобы никто не посмел нарушить этот хрупкий момент. Да и кто бы стал звонить? В такие минуты ты никому особенно не нужен, да и связь после шторма, похоже, ещё не восстановили.

И всё-таки в голове всплыла мысль, которая беспокоила уже давно — с самого детства. Почему, когда ты долго продумываешь какой-то план, перебираешь варианты, представляешь себе, как всё должно сложиться, — именно эти варианты никогда не сбываются? Всегда происходит что-то другое: либо совсем не то, что ты ожидал, либо какие-то неожиданные обстоятельства всё портят. С одной стороны, это досадно. С другой — иногда даже помогает. Если, конечно, не пытаться бороться с этим, а научиться использовать. Но есть один нюанс: всё это работает только тогда, когда возникает всплеск эмоций — любых, неважно каких.

Ещё около часа я бродил вдоль берега, то присаживаясь, то снова поднимаясь. Взгляд скользил по синей глади моря, ухо пыталось уловить какой-то особый, неповторимый шум волн. Но вокруг — никого. Пустой берег, ни души. Ни паруса на горизонте, ни криков чаек. Даже бакланы, обычно галдящие целыми стаями, куда-то исчезли — видимо, спрятались до вечера.

Мне никогда не хотелось знать будущее. Не потому, что оно меня не интересовало, — просто я не видел смысла заглядывать вперёд. Слишком много думать о грядущем — значит рисковать тем, что всё сложится совсем не так, как ты себе представляешь. Лучше действовать здесь и сейчас — но с чётким, продуманным планом. Да, своих желаний порой стоит опасаться: они имеют свойство исполняться. Но мне было достаточно того, что я мог, и того, что у меня уже было.

Я наклонился и подобрал кусок ветки, обточенный морем. Она ещё сохраняла упругость и твёрдость — волна выбросила её вместе с мусором и переплетёнными водорослями после шторма. Этой веткой я нарисовал на песке знак — что-то вроде иероглифа, — и рядом поставил цифру. Но едва я успел отступить, как новая волна смыла все следы, оставив лишь гладкую, влажную поверхность.

Как же я мог тогда предположить, что именно этот рисунок, исчезнувший так быстро, станет ключевым аргументом в пользу моих же собственных сомнений?

День плавно переходил в вечер. Солнце, скрытое туманной дымкой, отбрасывало на камни и скалы необычное, прозрачное сияние — светло-серое, с лёгким оттенком лунного пейзажа. Но это был не лунный свет. Это был особый, неповторимый оттенок приближающегося вечера — такой, какой бывает только после шторма, когда море ещё дышит неровно, но уже начинает успокаиваться.

Разговор на вечер

Меня окликнули — резко, будто выдернули из какой-то глубокой, почти забытой мысли. Я медленно повернулся, словно нехотя, будто ставил свои размышления на паузу, аккуратно укладывал их в архив памяти до лучших времён. Кому я мог понадобиться здесь, у самого края мира, где море и небо сливаются в одну бесконечную линию?

— Мистер Демид, мы до вас уже час не можем дозвониться. Решили, что вы ушли гулять на море.

«А где тут ещё быть, как не на море?» — эта мысль вызвала у меня лёгкую усмешку.

— Вы нам срочно нужны.

«Ну вот, опять», — пронеслось в голове. Только начал расслабляться, только почувствовал, как напряжение последних дней уходит вместе с шумом волн, а тут — на тебе.

Передо мной стоял мужчина — охранник отеля. Он торопливо подошёл, что-то буркнул в рацию, и его взгляд стал ещё более озабоченным.

— Нужна ваша помощь. Мы нашли человека. Его выбросило море.

Я невольно приподнял бровь. «Море выбросило» — звучит так, будто сама стихия решила вернуть какой-то свой забытый артефакт.

— Он странный какой-то и просит кого-то из русских. А

вы у нас один, других нет — не сезон сейчас, отдыхающих почти нет.

Странно, что он меня считает за русского из-за того, что я свободно владею им. Ну да спутать меня можно.

— Он что, русский из моря? Откуда он взялся? Он не говорит по-испански?

В голове закрутились мысли: может, кто-то из участников семинара решил устроить себе внеплановый отпуск? Но нет, народ был слишком серьёзный для таких шалостей. Хотя кто их разберёт...

— Да нет, говорит хорошо, с каталонским акцентом даже. Он в неважном состоянии: сильно ослаблен, возможно, долго находился в море. Организм сильно обезвожен, и он то и дело отключается, засыпает. Мы вызвали полицию, но до нашего острова им ещё нужно доплыть — так что они будут не скоро.

— Ну а я тут при чём? Зачем я понадобился? Выяснили кто он? Внешне он как?

— Да нормально. Документов нет, одежды почти тоже. На вопрос, откуда он, отвечает странно: «Оттуда».

— Откуда? — переспросил я.

Охранник закатил глаза:

— Из будущего.

Я замер на мгновение.

— Он не того случаем?

— Да нет, мы сначала тоже так подумали. Но он назвал

наши имена — и про вас сказал, что вы в курсе.

— Может, он из числа тех, кто был на семинаре и загулял?

— Нет, я его впервые вижу. У меня на лица память хорошая. Его мы впервые видим. Сейчас с ним Люсия, сделали укол. Короче, он просит вас.

— Он что, меня знает? И почему именно меня?

— Нам показалось, что да. Он даже сказал, где вас искать.

«Ох, вот ещё напасть», — подумал я. — «Это все странно».

— Ладно, пошли.

До отеля идти четверть часа. По дороге я пытался выстроить хоть какой-то план действий, но охранник — его звали Матиас, кажется, — больше ничего нового не добавил. Связи и интернета ещё нет: после шторма нужно убрать много мусора, катер с материка прибудет не скоро. Медсестра Люсия оказала ему первую помощь.

— Ну ладно, — пробормотал я. — Пойдём посмотрим, кого тут море нам подкинуло.

По пути Матиас кратко повторил всё, что знал: незнакомец найден в одних шортах, кроме царапин и ссадин — никаких повреждений. Видимо, наглотался морской воды. Выглядит не истощённым, но ни сидеть, ни ходить не может. Говорит не истощённым, но ни сидеть, ни ходить не может. Говорит на испанском с каталонским акцентом. На вопросы о себе отвечает туманно, просит позвать сэра Демида.

Мы подошли к отелю. Прошли на террасу, через холл — в переход, ведущий к лечебно-процедурному отсеку. В процедурном кабинете на лечебной койке лежал мужчина средних лет под капельницей. Медсестра Лусия позвала нас.

Мужчина поднял глаза. Наши взгляды встретились.

— Ну наконец-то, — выдохнул он по-русски и тут же закрыл глаза, погружаясь в сон.

«Что он сказал? Чего он дождался?» — пронеслось у меня в голове.

— Вы его знаете? — спросила медсестра.

— Нет, впервые вижу. Но, похоже, он меня знает.

— Он спит, — тихо добавила Лусия. — Уже пару раз так: просыпается и снова засыпает.

— А что вы ему вкололи?

— Ничего особенного — просто витаминный коктейль.

Он вроде в норме, но какой-то слабый. Постоянно спит.

Мы вышли в соседний кабинет и присели.

— Ну как он? — спросил я.

Лусия пожала плечами:

— Симпатичный.

Ясно. С ней все понятно. «Утопленник» действительно был с крепким торсом и благородным лицом. Ей было на что любоваться.

— Это как-то странно, — продолжила она. — Внезапно засыпает и просыпается, как старик. Я такое впервые вижу. Сильно переутомлён или обессилен. Порезы незначительные. В остальном — восстановится, нужен постельный режим. ЭКГ в норме, давление пониженное: 100 на 60. Еды не просил, пил только воду.

— А с головой как? Не стукнулся? Зрачки нормально реагируют.

— Не похоже на сотрясение. Улыбается, реагирует.

— И когда он проснётся?

— Может, через пятнадцать минут, может, через тридцать. Мне пора — завтра приду. Он вас позвал, вот вы и сидите. Если что, звоните.

Она собралась уходить, но я остановил её:

— Погодите. А может, у него вирус?

— Я анализы взяла, первым рейсом отправлю. Мы тут как

на карантине. Не думаю. Тут что-то другое. Сами разбирайтесь. Капельницу на ночь поставить сможете? Раствор в шкафу.

Я кивнул.

Лусия неторопливо встала и лёгкой походкой вышла из кабинета. Матиас тоже поднялся:

— Пойду позвоню, узнаю, есть ли связь или интернет.

Оставшись один, я задумался. Почему он меня позвал? Откуда знает моё имя? Может, стоит использовать аппаратуру — она показала неплохие результаты в прошлом. Сначала дождусь, когда очнётся, тогда и решу, что делать.

Он включил свой смартфон и пробежал глазами по сообщениям и уведомлениям, которые накопились с тех пор, как он просматривал их в последний раз. В мессенджере, как обычно, было тихо — никаких новых сообщений, заслуживающих внимания. Он пролистал новостные каналы с тем же отсутствием интереса, ничто там также не привлекло его внимания. И все же где-то в глубине его сознания мозг уже обдумывал то, что только что произошло, просеивая детали с той медленной, почти бессознательной взвешенностью, которая стала его второй натурой.

Возможно, кофе. До ужина было еще далеко. Он мог бы спуститься к стойке администратора, вместо того чтобы подниматься прямо в номер, но это отняло бы у него время, да и в любом случае не было никаких неотложных дел.

Старая привычка взяла верх без сознательных усилий —

автоматический запуск записи. Это была дисциплина, вбитая в него годами, и не раз она помогала ему избежать неловких ситуаций, когда точная формулировка разговора впоследствии оказывалась полезной. После этого, естественно, все должно было быть должным образом оформлено и занесено в протокол в правильной форме.

Он остановился как вкопанный. Откуда, черт возьми, этот парень его узнал? И, что более важно, откуда он узнал, что знаю русский? Прошло много времени с тех пор, как он в последний раз говорил больше нескольких слов кому—либо из своих подчиненных - не из-за отсутствия желания, а потому, что было разумнее не давать своему начальству новых поводов для беспокойства. Конечно, бывали моменты, когда он улавливал звуки своего русского языка в вестибюле или в проходящей мимо группе людей. Его слух сразу обострялся, хотя он никогда не показывал этого на лице. Он просто напускал на себя то холодное, аристократическое британское выражение лица, которому научился по старым фильмам, — отчужденный, каменный взгляд английского лорда, который считает, что мир не заслуживает его внимания.

Теперь ясно встали три вопроса. Первый: кто мог знать, что он все еще будет здесь? Во—вторых, по какому каналу информация дошла до них - или до него? Это могло подождать. В-третьих, почему именно до него? Какой возможной цели он мог служить тому, кто стоял за всем этим?

Он медленно перевел дух и снова двинулся в путь. Что ж,

сегодня вечером он увидит, как далеко его заведет здравый смысл. Будет ли логики достаточно, или ситуация снова потребует некоторой импровизации. В любом случае, он узнает достаточно скоро.

Первый контакт

Вернувшись в медкабинет, я взглянул на лежащего. Там просто спал человек — на спине, с закрытыми глазами, почти по грудь накрытый простынёй.

На вид это был мужчина средних лет, под сорок: какой-то истощённый, но не сухопарый, с лёгкой небритостью и впавшими глазами. Тёмно-каштановые волосы, коротко стриженная причёска, скулы прямые, чуть квадратный подбородок. Лицо широкое, уши прижатые, глазницы глубоко посажены. Бледное, но гладкое — словно отлитое из воска. В нём было что-то неуловимо знакомое, будто я уже видел его когда-то, но очень давно, в другом мире или во сне.

Я сел рядом и стал ждать, уткнувшись в блокнот, затем достал планшет и открыл вкладку заметки. Ещё чуть пораздумав, отложив, затем взял смартфон и поставил на запись. Мысли были на сосредоточении о том в какой последовательности начать диалог. Всё это скользило мимо сознания, не задерживаясь в памяти. Ничего нового что могло меня удивить не предвещало. Прошло минут пять, может, больше.

— Привет, — раздался глухой голос.

Я поднял глаза и, изобразив улыбку, спросил:

— Как вы себя чувствуете?

— Хреново, но скоро должно стать легче, — сказал он по-русски. — А где медсестра? — спросил он по-испански.

— Она ушла. Позвать? — ответил я на том же языке.

— Нет, пока нет.

— Может, что-то нужно?

— Нет, спасибо.

— Как вас зовут?

— Серхио для протокола, Сергей. Сергей Эдуардович.

Можно на «ты».

— Откуда ты? Я — офицер Дэвид.

— Если по факту, то я местный, но издалека. Из другого далёка, — он слегка усмехнулся, и в этой усмешке было что-то отстранённое, почти печальное.

— Что-то я тебя раньше тут никогда не видел.

— Собственно, я к вам. Есть дело. Сразу скажу, что удивлю ответом.

Мы встретились глазами. И с полминуты смотрели друг на друга. В этом молчании было больше смысла, чем в любых словах: будто два мира, разделённые временем и пространством, на мгновение соприкоснулись.

— Это плохо или хорошо? — наконец спросил я.

Он уставился на потолок и сказал:

— Тащите ваш прибор. Я понимаю, что это необычно, но некоторые доказательства вам смогу предъявить.

Я ещё ни о чём не подумал, но его предложение мне понравилось. Хотя регламент чётко предписывал: использование детектора лжи в отношении обессиленного или ослабленного человека не рекомендовано. Сыворотка правды? Даже если бы она была, толку от неё было бы мало. Применять

её под капельницей — опасно: организм мог не так среагировать, а это мог быть не тот результат.

Он как будто читал мысли.

— Выдержит. Мне уже недолго осталось. Я вас понимаю: вам нужны убедительные аргументы. Час назад вы сидели у моря и рисовали веткой на песке — рисунок, который через мгновение смыло волной. Сказать, что вы там нарисовали? Ещё у вас на лодыжке, под костю, маленький шрам. Его не заметно, но вы его получили, поранившись стеклом в семь лет. Сказать, когда? В октябре, во дворе дома, где был сброшен строительный мусор.

Вот тут он сказал такое, что уж точно ввело меня в ступор. Он описал, как мне тогда попытались остановить кровь от пореза — детали, которые не знал никто, кроме меня и бабушки. Воспоминания, похороненные глубоко в памяти, вдруг ожили, словно кто-то включил старый проектор.

— Назвать, от чего был осколок стекла? — добавил он тихо.

Рой моих мыслей застыл, точно в оцепенении. Удивлён — не то слово. Если он был способен читать мысли, то мог узнать, о чём я думал на море час назад. Но о случае в далёком детстве, после которого прошёл уже не один десяток лет, он вытащить из моих мыслей не мог — я о нём и сам забыл. Почти забыл.

Это было невероятно.

— Читаешь мысли? И откуда ты это знаешь? Ах да, ясно-

видец, — произнёс я, пытаюсь осмыслить происходящее.

— Нет, просто я подготовился. Это нормально у нас в будущем. Но у вас это выглядит как что-то невероятное и даже невозможное. В ваше время эти опыты уже делали, но не понимали их смысла. «У нас есть технологии заглядывать в прошлое», — он говорил спокойно, без пафоса, будто объяснял ребёнку очевидные вещи. — Мы можем извлечь из хронофрагменты любого момента — как файл из архива. Главное — знать координаты и личность. Время просто листается, но всегда есть предел.

Я молча смотрел на него, пытаюсь осознать сказанное. За окном медкабинета мерцали огни станции, где-то вдалеке гудели генераторы, а в воздухе витало ощущение чего-то нового — того, что могло изменить всё.

— И зачем ты здесь, сюда прибыл? — спросил я наконец.

— Чтобы предупредить, — он закрыл глаза, и голос его стал тише. — Но ничего случится, изменит кое-что, вернее уже меняет. Оно изменит всё. И вы должны хотя знать, как будет...

Он не договорил. Дыхание его стало ровным, почти незаметным. Я замер, прислушиваясь к тишине, которая вдруг наполнилась множеством вопросов — и ни одним ответом.

Другая логика

— С чего начнём?

— С логики. Вы уже подготовили свои вопросы, пока я спал. Те, что вы искали в вашем интернете, — не пригодятся.

Я невольно дёрнул плечом.

— Это почему?

— Ваш интерес базируется на логике вашего времени. Когда я начну объяснять свою логику, ваши вопросы отпадут сами собой, и моя информация станет вам более-менее понятна.

В комнате пахло озоном и чем-то сухим, будто из далёких пустынь. Свет лампы ложился на лицо собеседника странно: не тёплым кругом, а будто бы слоями, как будто реальность здесь слегка расслаивалась.

— У вас логика отлична от нашей?

— И да, и нет. То есть немного всё не так, как вы полагаете. Логика как логика — она одинакова. Но позиция, с какой вы её применяете, определяется мировоззрением и теми рамками познания, которыми вы обладаете.

Я хотел возразить, но остановился. В голове мелькнуло: «А если он прав? Если все мои вопросы — это просто карта, нарисованная по старым координатам, а местность уже изменилась?»

— Значит, чтобы понять ваше будущее, мне надо сначала вашу логику уяснить, тогда мне легче будет понять информацию из будущего?

— Совершенно верно.

— Так в чём ваша логика?

— Начнём с простого. В ценностях мировоззрения и их принципах применения.

Я хмыкнул, стараясь скрыть неловкость.

— Простите, это ценности традиционные, консервативные, либеральные, левые и так далее?

— Не про то. Вы говорите о ценностях конкретного человека, а я — о ценностях мировоззрения ваших элит, управляющих социумом. В наших учебниках говорится, что ваши элиты всегда базировались на принципе «разделяй и властвуй», а главными их ценностями были «власть и деньги». Под эти ценности были подогнаны религия, институты государства, образование, юридический статус.

— Не особо понятно.

Он чуть наклонил голову, словно прислушиваясь не ко мне, а к чему-то за стеной, к самому воздуху.

— Ваше общество в основном базируется на ценностях власти и денег, которые с рождения человека пронизывают весь социум, на стремлении их достичь или удержать. Вопрос: а где здесь человек, отношения? Чьи интересы приоритетны?

Я вдруг вспомнил утренний разговор с администратором

отеля: как тот, не глядя, щёлкал кнопками, будто люди для него были строками в базе данных. И стало неуютно.

— Вы хотите сказать, что из-за этого наше общество несправедливое? Тут соглашусь, это правда. И решить это пока никому не удалось, попытки были, например, в СССР.

— Вот тут как раз и главное, что важнее. Но одно дело декларировать, а другое дело — как реально происходит в жизни.

— И у вас этот вопрос решён?

— Да.

Я почувствовал, как по спине пробежал холодок. Не от страха — от масштаба.

— Это же может быть новой революцией с жертвами?

— Может, а может и нет. Человечество всё-таки прошло по краю этого.

— А какие ценности тогда у вас?

— Главная ценность — это человек и его развитие. И если человек больше развивается как личность, его сознание позволяет расширить границы познания окружающего мира, долголетия и того, что вы называете справедливостью. Если точнее, её мерой.

— Это как? Я в философии не силен.

— Тут нет философии в вашем понимании. В вашем времени её точно ещё нет. Но это мы после обсудим. А сейчас, чувствую, уже надо сделать перерыв. Завтра продолжим. Позовите, пожалуйста, сестру, пусть сделает мне ещё свой фир-

менный укол. Мне уже сложно держать сознание, наверное,
нужен сон.

Я пожал его за руку — ладонь была тёплой, но в ней чувствовалась какая-то чуждая, нездешняя твёрдость, будто под кожей пряталась иная структура мира.

— Отдыхайте. Я зайду утром.

Он кивнул, прикрыл глаза, и на мгновение показалось, что комната стала чуть прозрачнее, будто сквозь неё проглядывали другие слои времени.

Я вышел в коридор. Пахло кофе и дезинфекцией. За стойкой сидела Лусия — медсестра, спокойная, с внимательными глазами.

— Ему нужен укол, — сказал я.

Она кивнула, не задавая лишних вопросов, и ушла по коридору, бесшумно, как тень, знающая все двери.

А я стоял и думал: что делать с этой информацией? Ответа не было. Было совершенно непонятно, кто поверит этому и что с этим делать. Наверное, утром узнаем ещё что-то и потом будем решать.

Уже ночь. Надо принять душ и тоже идти спать. Аппетита не было, хотелось просто выпить стакан виски, чтобы на минуту заглушить этот гул мыслей.

Но мысли лезли со всех сторон, как упрямые насекомые, не желающие уходить. Ладно, надо взять ноутбук, чтобы поискать информацию. Потом прикинуть вопросы.

А действительно, что бы мне хотелось узнать из будущего,

чтобы это пригодилось дальше? Ведь узнать смысл — одно, но что делать дальше?

Конечно, надо отнестись с сомнением. Но что бы вы хотели узнать? Какое будущее через три столетия ждёт человечество? Будут ли войны, эпидемии и другие природные катаклизмы? Как с освоением космоса? Какие технологии создали? Смогло ли человечество увеличить продолжительность жизни? И самое интересное — одни ли мы во Вселенной?

Ах да, а зачем им путешествия в прошлое? Они что — изобрели машину времени? Какую цель путешественник имеет здесь? Наверное, с этого вопроса и начнём. И ещё про себя не забыть.

Главное — набросать план, а утром ещё что-то добавим. Посмотрим, что мой мозг выдаст после сна.

План? Какой план тут надо составить? Меня это несколько озадачило. Я никогда так не начинал. Сначала обстановка, а тут? Смысл, какой смысл, зачем? Поэтому построить тут план не получалось: вся логика рушилась от смысла и этих ценностей. Куда ни ткни — везде не то. Нет привычной твёрдости, а отсюда — уверенности.

Да уж. Озадачил так озадачил.

Я дошёл до номера, сел на край кровати и уставился в тёмное окно. За стеклом город жил своей обычной жизнью: огни, машины, чьи-то судьбы, в которых никто не думал о логике будущего.

И вдруг я понял одну вещь: возможно, самое страшное не

в том, что будущее другое. А в том, что, услышав его, ты уже не сможешь вернуться к прежней простоте.

Календарь

Не помню, что снилось, — спал плохо, будто проваливался в какие-то узкие коридоры без дверей. С лучами солнца резко проснулся, долго лежал, уставившись в потолок, и вспоминал, что было вчера. Мыслей не было — только тяжесть от ощущения, что ты стоишь на краю чего-то огромного и не знаешь, шагнуть ли вперёд или отступить. Но надо продолжить.

Ах да... С кем бы посоветоваться? И что предпринять, чтобы сохранить полученную информацию? Записать? А если записи прочитают не те люди? Или, наоборот, никто не поверит? В общем, процесс захватил, и я уже не мог от него оторваться, как не можешь оторваться от трещины в полу, в которую понемногу уходит весь твой привычный мир.

Ну что ж, начнём. Быстро, по-спартански: разминка, бритьё, душ, одежда и завтрак. Никаких лишних движений. В голове крутилось: «Только не думать. Сначала тело, потом голова».

Спустившись вниз, первым делом поинтересовался у Лусии, как наш пришелец, какие ещё вводные, есть ли связь. Она кивнула спокойно, будто всё шло по плану, которого никто мне не показывал:

— Он в норме. Просил не торопиться. Говорит, сегодня

будет сложнее.

Я хмыкнул. «Сложнее» уже началось с утра.

Посмотрел погоду за завтраком: пасмурно, ветер с востока, вероятность осадков — шестьдесят процентов. Обычные цифры, привычные слова. Они почему-то успокаивали. В мире, где гость из будущего рассказывает про другую логику, прогноз погоды оставался единственной вещью, в которой я был уверен.

В общем, утро началось с нетерпения — продолжить, узнать то, что очень хотелось, даже если потом придётся с этим как-то жить.

— Доброе утро. Как ваше состояние?

Он сидел в кресле у окна, и свет падал так, что черты лица казались чуть размытыми, будто он был не совсем здесь.

— Да, спасибо. Легче, чем вчера. Посмотрим, но пока не очень, если честно.

Голос звучал ровно, но в интонации чувствовалась усталость — не телесная, а какая-то глубинная, будто ему приходилось удерживать равновесие между двумя мирами.

— Вчера вы меня действительно не столько заинтриговали, сколько озадачили. Но давайте начнём, как положено, с даты, с цели. Тогда можно будет создать упорядоченность в нашем диалоге.

Он чуть улыбнулся — не весело, а скорее с пониманием того, как отчаянно я цепляюсь за порядок.

— Да, вы правы.

— Начнём?

— Да.

— Если вы из будущего, с какого вы года?

— У нас другой календарь. Он похож на ваш, но исчисляется по-другому.

Я невольно сжал пальцами край стола.

— Тогда сколько прошло лет?

— Это непринципиально. Больше трёх столетий, сойдёт?

— А конкретно какой год у вас?

— 2322 год по вашему летоисчислению. Но у нас уже другой календарь.

Я записал цифру в блокнот, будто она могла удержать реальность на месте. 2322. Три столетия. Это не просто далеко — это другой масштаб времени.

— И что, там у вас все читают мысли и видят прошлые события?

— Да, почти все, кто хочет развиваться. Тайн, как у вас, уже нет.

Я не знал, что спросить. Мысли неслись, то складывались в какие-то схемы, то раскрывались веером, рассыпаясь на отдельные, не связанные друг с другом фрагменты. Сравнить услышанное было не с чем.

— А что за календарь? Летоисчисление стало другим? Уже год не 365 дней?

Надо было что-то спросить, хоть что-то, чтобы не молчать.

— Нет, год как год — те же 365 дней, и в сутках 24 часа. Но исчисление скорее астрономическое. Год начинается не так, как у вас. Не беспокойтесь, я расскажу и даже многое объясню.

— В чём особенное отличие календаря?

— Логика тут такая: у вас новый год начинается с середины зимы, но не сразу после зимнего солнцестояния. А у нас он начинается посередине между двумя астрономическими точками: зимним и весенним солнцестоянием. То есть по вашему календарю это 4 февраля. В этот день планета разворачивается из-за особенностей своего строения. То есть это и есть исходная точка начала года. Наш новый год — в конце зимы и в начале весны.

Я замер, чувствуя, как в груди что-то щёлкнуло. 4 февраля... Эта дата почему-то отозвалась внутри, будто я уже слышал её раньше.

— Как в Китае?

— Да. Но они отмечают по лунному календарю, и у них не всегда новый год попадает на 4 февраля. Поэтому у них он плавающий. И, как ни странно, это тоже правильно.

— А зачем? Что не устраивало?

— Природные циклы фенологии всех биологических форм подчиняются этим точкам, и человек — не исключение, как все биоформы на земле. Вот и немного пришлось скорректировать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.